33. *Пономарев С.М*. Очерки народного быта. Обычное право//Северный вестник.1887. № 2.

34. Труды комиссии... Т. 1. С. 540; Т. 6. С. 426, 455, 461, 462, 465; Шраг И. Крестьянские суды Владимирской и Московской губернии // Юридический вестник. 1877. № 3–4. С. 39; *Птицын В.В*. Указ. соч.

35. *Малышев К.И.* Курс гражданского судопроизводства. СПб., 1880. Т. 3.

36. *Миненко Н.А*. Традиционные формы расследования и суда у русских крестьян // Советская этнография. 1980. № 5.

37. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291, оп. 68, д. 117, л. 10 об; АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 154. Л. 35.

38. *Скоробогатый П*. Очерки крестьянского суда. М., 1882.

39. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. СПб., 1897. Т. 1. С. 609, 611, 614, 615, 618, 621, 628.

40. *Березанский П.Е*. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии. Киев, 1880. С. 13; Калачов Н.В. О волостном и сельском суде в древней и новой России. СПб., 1880. С. 19.

41. РГИА. Ф. 1317. Оп. 1. Д. 97. Л. 2, 3; Тур К.И. Голос жизни о крестьянском неустройстве. (По поводу работ учрежденной при МВД Комиссии по пересмотру крестьянского законодательства). СПб., 1898. С. 73; Выводы из собранных на местах данных о волостных судах и соответствующих узаконениях. СПб., 1874. С. 6, 7.

42. РГИА. Ф. 1317. Оп. 1. Д. 103. Л. 17; Материалы по преобразованию местного управления в губерниях, доставленные губернскими земствами и присутствиями по крестьянским делам. С. 40–50.

43. *Леонтьев А.А*. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб., 1895.

УДК 340.15

Небратенко Г.Г.

ИНСТИТУТ СЕМЬИ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ (XVI – начало XX вв.)

Важная регулятивная роль обычая в традиционном обществе актуализирует исследование его юридической практики, например, в отношении института семьи донских казаков (XVI – начало XX вв.). До сих пор эта проблема была практически невыясненной, имея свою специфику, несвойственную для соответствующего института русского обычного права. Общественные отношения носили общинно-территориальный характер, при котором правовое продолжение получала принадлежность индивидов к общности казаков, редко связанных кровнородственными узами, проживающих на территории Войска Донского. Рассматриваемый институт обычного права в традиционном обществе донского казачества воплощался в трех основных формах: «групповая семья», «парная семья» и «патриархальная семья».

An important regulatory role of custom in traditional society analyzes the study of its legal practice, for example in relation of the Don Cossacks' Family Institute (XVI – the beginning of XX century). Until now, this problem with its specificity uncharacteristic for the corresponding Institute of Russian tacit law has been virtually unknown. Public relations were of communal-territorial nature, in which the Don Army residents' individual belongings to the Cossack's community, rarely linked by blood ties, obtained the legal continuation. The considered tacit law institute in the Don Cossacks traditional society was embodied in three main forms: «Group family,» «coupled (pair) family» and «patriarchal family».

Ключевые слова: *Обычное право, обычай, институт семьи, групповая семья, парная семья, патриархальная семья, традиционное общество.*

Keywords: *Tacit law, custom, Family Institute, group family, coupled (pair) family, patriarchal family, traditional society.*

Теория обычаев и обычного права не является устоявшейся, приемля инкорпорацию новых знаний. Научная значимость теории обычаев и обычного права заключается в том, что она позволяет раскрыть содержание общественных отношений в традиционном обществе, в котором принцип всеобщего распространения права в пространстве, во времени и по кругу лиц не действует, а писаный закон в юридической практике соседствует с народным обычаем. Поскольку традиционное общество являлось аграрным и большая часть населения в нем жила вне городов, основная часть населения руководствовалась обычным правом в регулировании общественных отношений, оставляя законы для жителей городов.

Важная регулятивная роль обычая в традиционном обществе актуализирует исследование его юридической практики, например, в отношении института семьи донских казаков (XVI – начало XX вв.). До сих пор эта проблема была практически не выясненной, имея свою специфику, несвойственную для соответствующего института русского обычного права. Ведь у казаков общинно-родовые отношения никогда не имели решающего социально-правового значения. В истории казачества также не было первобытного этапа развития, как никогда не существовало и племенного деления населения. Между тем общественные отношения носили общинно-территориальный характер, при котором правовое продолжение получала принадлежность индивидов к общности (корпорации) казаков, мало связанных кровнородственными узами, проживавшими на территории Войска Донского. Как представляется автору, рассматриваемый институт обычного права в традиционном обществе донского казачества воплощался в трех основных формах: «групповая семья», «парная семья» и «патриархальная семья».

«Групповая семья», встречавшаяся на Нижнем Дону в XVI в., носила латентный характер. Об открытых половых отношениях не имеется подлинных свидетельств. В указанный период происходила активная миграция казаков на пустопорожние земли, причем переселение осуществлялось в условиях военного противостояния с азовскими турками, крымскими татарами и степными ногайцами, также промышлявшими в крае. Этот регион соединял тюрок с Астраханским, Казанским и Сибирским ханством, поэтому имел особую ценность, вызывая непрекращавшееся военное противостояние с казачеством, представлявшим панславянскую цивилизацию.

В сложившихся условиях донские казаки не имели возможности вступать в парный брак, т.к. ценность традиционной семьи и развивающейся в ее лоно частной собственности в XVI в. была ничтожна. В случае тюркского нападения женщин пленили и обращали в объект имущественных отношений, казаков же убивали или использовали как рабов (часто на галерах), движимое имущество присваивалась в качестве военной добычи, а все прочее, что нельзя было увезти с собой, сжигалось и разрушалось (таковы реалии цивилизационного противостояния). Поэтому первоначально казаки позволяли себе лишь, как сказал бы Фридрих Энгельс, «первобытное коммунистическое хозяйство», создавая так называемые «сумы» (от слова «сума» для хранения сухарей и крупы). Сумы представляли собой самодостаточные сообщества в 10–20 человек, необходимые для решения насущных бытовых нужд (приготовления пищи, устройства ночлега, ухода за больными и ранеными, погребения усопших). Причем имущество в такой суме было общественным, за исключением некоторых личных вещей, прежде всего оружия. Жилищем «односумов» обычно становились шалаши и землянки, устраиваемые на временных станах и зимовищах. Символом этого объединения, по мнению автора, являлся котел, в котором одновременно готовилась горячая пища на всех «односумов», подчеркивая их равенство и братство. Собственно максимальная численность сумы определялась объемом такого котла, наличие которого было обязательным.

Для приготовления пищи, стирки вещей и швейных дел в суме могла присутствовать женщина, прибившаяся к казакам по воле случая, например, отбитая у тюрок пленница. Православная мораль естественно воспрещала половые отношения без церковного венчания, но отрицать их наличие в суме будет наивно, тем самым детерминируя признаки групповой семьи. «Групповой брак… оставляет очень мало места для ревности… Многомужество в еще большей степени находится в вопиющем противоречии с каким-либо чувством ревности. Но известные формы группового брака сопряжены со столь своеобразно запутанными условиями, что они с необходимостью указывают на более ранние, более простые формы полового общения…» [1, с.

37–38]. Кроме того, брачные отношения отнюдь не сводятся только к интимным проявлениям, предполагают также разделение труда, совместное ведение хозяйства. Исходя из вышесказанного, двуполые сумы можно отнести к разновидности экзогамной групповой семьи (одна жена и несколько мужей).

Естественно, определение отцовства детей, рожденных в такой «семье», являлось невозможным, что предопределяло специфическое отношение к их жизням. Генерал-инженер А. Регельман, построивший на Нижнем Дону крепость Св. Дмитрия Ростовского (начало 60-х гг. XVIII в.), упоминает древний казачий обычай умерщвления новорожденных детей, услышанный им от донских стариков (это был старый пересказ, полученный от далеких предков). Приведем оригинальную цитату: «Сказывают же, что когда стали посягать на жен, то, по общему приговору, младенцев, родившихся у них, сперва в воду бросать установлено было для того, чтобы оные отцов и матерей для промыслов их не обременяли. Но потом обществом же приговорили, дабы мужеска пола младенцев вживе оставляли, а женского рода в воду метали, что донесколько времени и велося, даже напоследок, когда уже их немало чрез разных пришельцев, в коем числе и женатые были, набралося, то тем войско их уже умножилось, а паче из жалости отцов и матерей, общим кругом своим определили, чтоб детей и женского пола уже более не губили, но воспитывали б для общей надобности их» [2, с .25].

Умерщвление новорожденных могло практиковаться до самого появления на Нижнем Дону «парных семей». Как выше упоминает А. Регельман, моногамные семьи первоначально появились путем переселения в край уже состоявшихся брачных пар, что ранее, по-видимому, не практиковалось. Наукою же доказано, что детоубийство новорожденных представляет собой «широко распространенный среди дикарей обычай. Благодаря этому в каждом отдельном племени возникает избыток мужчин, ближайшим следствием которого неизбежно должно явиться совместное обладание несколькими мужчинами одной женой – многомужество… Вторым же следствием недостатка женщин внутри племени… именно и был систематический насильственный увод женщин чужих племен» [1, с. 14].

Недостаток женского пола у донских казаков встречался даже после перехода к парной семье (даже в XVIII в.), его компенсировали похищением турчанок, татарок и калмычек, впоследствии становившихся казачьими женами. Как отмечает Ф. Энгельс, именно со времени возникновения парного брака начинается похищение и покупка женщин [1, с. 52], не имевших распространение в групповой семье. Причем парная форма брака, отличаясь по содержанию от современного двуполого брачного союза, обнаруживается у многих варварских и даже цивилизованных народов нового времени. «На этой ступени мужчина живет с одной женой, однако так, что многоженство и при случае нарушения верности остается правом мужчин, хотя первое имеет место редко в силу также и экономических причин. В то же время от женщин требуется в большинстве случаев строжайшая верность, и за прелюбодеяние их подвергают жестокой каре. Брачные узы, однако, легко могут быть расторгнуты…, а дети принадлежат только матери» [1, с. 51].

Повсеместный переход казачества к парной семье, представлявшей собою примитивную моногамию (один муж и жена), произошел в течение XVII в., что стало следствием окончательного закрепления казаков на Нижнем Дону, распада сум и появления внутреннего достатка. Впрочем, сумы по-прежнему создавались на время военных походов, но уже не включали женщин и носили характер лишь тыловой организации. Появление парной семьи и развитие частной собственности привело к необходимости строительства небольших домов (хат), хранительницами очага в которых становились женщины. Впрочем, парная семья была слишком слаба и неустойчива, чтобы вызывать потребность в крупном домашнем хозяйстве. Тем более что имущество в таких семьях принадлежало только мужчинам (исключая личные вещи женщин), т.е. носило индивидуальный характер. Ведь домашний достаток являлся результатом военных походов, а производительная деятельность в Войске Донском находилась в зачаточном состоянии. Необходимые товары казаки получали в качестве военной добычи, мены, покупки, царского жалования, практически ежегодно присылаемого на Дон. Женщины же исключались из системы распределения прибавочного продукта, что предопределяло ущемление их правового положения, особенно для большинства тех, которые привозились на Дон в качестве пленниц и до момента вступления в брак являлись объектом имущественных отношений.

Однако не следует забывать, что с распадом сум, вызванным развитием частной собственности, были созданы условия для перехода к более-менее упорядоченным половым отношениям, созданию условий для установления отцовства детей, росту казачьего населения за счет его самовоспроизводства. Впрочем, распространившаяся форма семьи была далека от патриархального брачного союза, предшествующего браку современного общества. Специфической чертой парной семьи выступала упрощенная процедура вступления в него (на казачьем круге). Казак выходил с невестой в центр майдана и «испрашивал» у местного казачества разрешение иметь ее женою, тем самым исключая притязания иных мужчин.

Процедура, сопровождавшая разводы, была еще более упрощенной, не требуя обязательного выведения жен в казачий круг. «Если кому жена была уже не мила и неугодна или не надобна ради каких-либо причин, оных менять, продавать и даром отдавать мог, водя по улицам и крича: кому люба, кому надобна? Она мне гожа была, работяща и домовита. Бери кому надобна!» [2, с. 82]. Новому «владельцу» женщины для вступления с нею в семейные отношения требовалось опять же общественное одобрение. Такого рода «разводы» были достаточно частыми, никак не ограничиваясь, они в определенной степени компенсировали недостаток женского пола. При разводе дети, если они имелись, оставались с матерями, а новый муж был обязан взять их к себе в дом. В таких условиях установление отцовства уже не имело принципиального характера. Важным являлось лишь казачье происхождение детей, которое в последующем открывало для них путь к казачьим привилегиям.

В 1671 г. произошло знаменательное событие: донские казаки впервые в истории приняли присягу на верность русскому царю, тем самым официально потеряв свой политический суверенитет, распрощавшись с амбициями государство - и этногенеза, и уже в начале следующего столетия лишились возможности самовольно осуществлять набеги на соседние народы. Одновременно с этим правительство создало условия для перехода местного населения к производственной деятельности – распашке целинных земель, виноградарству, коневодству, животноводству. Доступ пришлого элемента в казачество был существенно ограничен, тем самым укоренялись условия для естественного самовоспроизводства казаков (за счет деторождения). Военное назначение в виде полковой и внутренней службы осталось важнейшей повинностью казачества, выполнение которой обеспечивало сохранение привилегий, например, беспошлинное общинное землепользование. Главенство российских законов на Дону стало объективной реальностью, но имело ограниченный характер, и вместе с законами в край стали активно проникать русские обычаи, церковные каноны, касавшиеся в том числе брачно-семейных отношений, и в результате этого в XVIII в. парная семья была полностью заменена патриархальной.

Переход казачества к производительной деятельности (в мирной жизни) обусловил дальнейшее развитие частной собственности. Новый быт предопределил переход к патриархальной семье, которая как небольшой производственный коллектив являлась достаточно эффективной, была монолитной, очень часто связывая супругов брачными узами на всю жизнь, упорядочивая половые отношения и создавая генеалогическое древо родственников. Значение установления отцовства существенно возросло, законнорожденными признавались только дети, появившиеся в браке, а иные – поражались в наследственных правах.

Патриархальный союз состоял из нескольких поколений семейных пар, находившихся в родственных отношениях (сложная моногамия), ведших совместное хозяйство, при этом все имущество, за исключением личных вещей домочадцев, являлось общесемейным. Конечно, большие семьи периодически распадались, например, когда умирал глава семьи или, не дожидаясь этого, детям выделялись части хозяйства, но данный процесс носил естественный и упорядоченный характер, не меняя общего быта патриархальности. Большие семьи казаков размещалась в «куренях», т.е. многокомнатных домах, имевших «баз» – двор и огороды. Кроме того, из земельного фонда станицы выделялись пахотные и пастбищные земли.

Правовое положение главы семьи было доминирующим, что, например, выражалось в наделении его правом распоряжаться общесемейным имуществом. Особый статус распространялся и на его жену – старшую женщину в доме. В целом же правовое положение мужчин по-прежнему оставалось более привилегированным, хотя женщины уже не выступали объектом имущественных отноше-

ний, пользуясь правами, недоступными им в групповом или в парном браке. Причина этого крылась в том, что численное соотношение особей мужского и женского пола на Дону примерно выравнялось, и необходимость в похищении невест из других земель, не имевших покровительства своих семей, отпала сама собой.

В XVIII – начале XX вв. сватанье казачьих дочерей стало основным способом получение невест. Последующее церковное венчание цементировало внутрисемейное устройство в контексте христианской морали. Умыкание невест встречалось, но не имело всеобщего распространения, представляя собой скорее исключение из сложившейся практики, и в основном оно осуществлялось по взаимному согласию, когда жених был беден и не мог оплатить свадебных расходов или когда родители не давали согласия на свадьбу. Необходимость последующего церковного венчания делало бессмысленным умыкание невест без получения их предварительного согласия. Патриархальные браки были достаточно устойчивыми, а основания и процедура разводов регламентировались церковными канонами, при этом общее количество брачных союзов, в которые мог вступить индивид, ограничивалось тремя. Даже вдовы и вдовцы были вынуждены следовать этому ограничению, поэтому возможные последующие семейные отношения в церкви никогда не регистрировались, нося характер сожительства.

На этом следует закончить краткое рассмотрение института семьи, имевшего место в традиционном обществе донских казаков. В заключение следует сказать, что расказачивание и коллективизация уничтожили патриархальную семейственность на Нижнем Дону. Борьба большевиков с частной собственностью неизбежно ударила по традиционной семье и ее устоям, причем практически на всей территории Российского государства. Долгие годы нормы церковного и обычного права не оказывали существенного влияния на брачно-семейные отношения, в результате чего парная моногамия стала основной формой семьи, доминирующей и поныне.

Литература

1. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1982.

2. *Регильман А.И.* История о донских казаках. Ростов-на-Дону, 1992.

УДК 340.15

Кравцов Н.А.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИТИКИ, ПРАВА И ИСКУССТВА В АРХАИЧЕСКОЙ СПАРТЕ

В статье рассматривается особая роль деятелей искусства в становлении спартанской конституции. Также ведется речь о роли искусства в политической жизни спартанцев. Автор разделяет мнение о том, что в Спарте имела место особая форма политического посредничества с привлечением деятелей искусства. Он также настаивает на том, что в Спарте имело место такое специфическое явление, как «художественные санкции».

The article considers the special role of art in the formation of the Spartan Constitution. Also the question is about the role of art in the political life of the Spartans. The author shares the opinion that in Sparta took place a special form of political mediation with the involvement of artists. He also insists on the fact that in Sparta a specific phenomenon, as «art sanctions».

Ключевые слова*: Спарта, политика, право, искусство, политическое посредничество, санкции.*

Keywords: *Sparta, politics, law, art, political mediation, the sanctions.*